

Достоевский у врат «Ленинки»

В предпраздничной сентябрьской спешке (850 лет Москве) не все заметили, как в столице у входа в главную библиотеку страны — Всероссийскую государственную (бывшую «Ленинку») — воссел каменный Достоевский работы скульптора А. Рукавишника. В 1930-е годы Федору Михайловичу не нашлось места в галерее великих русских писателей (куда, между прочим, вошли и Шота Руставели, и Тарас Шевченко), представленную бронзовыми портретами в медальонах вдоль фасада библиотеки, выходящего на Моховую. Однако подобное восстановление справедливости в конце 90-х обнаруживает тот же волюнтаристский подход к культуре, который позволял когда-то вычеркивать имя Достоевского из писательских рядов.

Итак, 6 сентября 1997 года Достоевский впервые появился перед изумленными москвичами на фоне гигантского портрета маршала Жукова (транспарант на одном из фасадов библиотеки), а затем был вновь закамуфлирован зеленой драпировкой в ожидании окончательной доделки. Тогда от неожиданности персонаж не всеми был опознан.

— Наверное, Ленин, ведь рядом — «Ленинка».

— Да нет, это Достоевский!

— А почему тут?

— Он наверняка здесь бывал, работал в библиотеке над своими романами...

Подобное можно было услышать от случайных прохожих. Но во избежание недоразумений на цоколе выбито: «Ф.М. Достоевский». Впрочем, герой и без того вполне узнаваем, поскольку иконография образа, если так можно выразиться, восходит к знаменитому портрету кисти Перова: согбенные плечи, опущенные руки. Но заимствован лишь дурно интерпретированный, расхожий абрис.

Конечно, скульптура в современном городе вряд ли должна быть остро портретной, психологичной и т.п. Но архаичный, натуралистический литературный ход, к которому прибегает автор, провоцирует зрителя на такие устаревшие претензии, как наличие портретного сходства, знакомство с анатомическим строением человеческого тела. (В январские дни припорошенный снегом, у подножия сверкающей елки, персонаж более всего напоминает исхудавшего и замученного Деда Мороза, лишившегося шубы и шапки).

Тяжелый, нелепый постамент призван символизировать «Петербург Достоевского»: по сторонам куба плоские рельефы, плохо различимые с небольшого расстояния, изображают пейзажи Северной Пальмиры, каналы и мостики. Крайне неустойчивая, прогнувшаяся фигура, как бы соскальзывая с отполированного сиделища, прикрытого попонкой

с каменной бахромой, неуверенно застывает над попираемым Петербургом. Московский ландшафт оказывается помятым в не меньшей степени.

Игнорируется непреложный закон бытования монумента в сложившейся архитектурной среде: скульптура всегда находится в зависимости от архитектуры, даже когда нет прямой тектонической связи между ними. Архитектура определяет масштаб, место и освещение. Воля самонадеянного скульптора или градоначальника не властна отменить этот тесный и обязательный контакт архитектуры и скульптуры. Он продолжает действовать, но уже как диссонанс.

Здание библиотеки, возведенное на Ваганьковском холме по

многофункциональности: это и торжественные пропилеи, и площадь, и городской перекресток, пролеглий выше уровня тротуара.

Взбежав по ступеням, мы теперь спотыкаемся об унылую массивную фигуру, к тому же угрожающе сползающую вниз. Спотыкаемся не просто буквально о каменную преграду, но и психологически. Ведь в восприятии круглой скульптуры (свободно стоящий памятник — это круглая скульптура) участвуют не только наши глаза, но и наше тело, то есть осязательная энергия, моторика. Человек невольно внутренне повторяет динамические функции статуи, переживает ее положение и движение. Творе-

ное правило: памятник обрачивается к зрителю не только прямыми плоскостями — анфас и в профиль, но и более сложными, рискованными поворотами; только тогда монумент становится скульптурой, статуей. Повороты спины Достоевского, напротив, лишают фигуру динамики и скульптурности, обнаруживают ее трагикомизм. Один из немногих удачных архитектурных ансамблей города с бельведером и шпилем Дома Пашкова на заднем плане оказывается варварски нарушенным. Столичная интеллигенция, критики и журналисты,

ние же Александра Рукавишника вызывает даже у равнодушного к пластике прохожего чувство дискомфорта. Остроумные москвичи успели уже дать свое название этому монументу: «На приеме у проктолога».

Не учтено и другое обязатель-

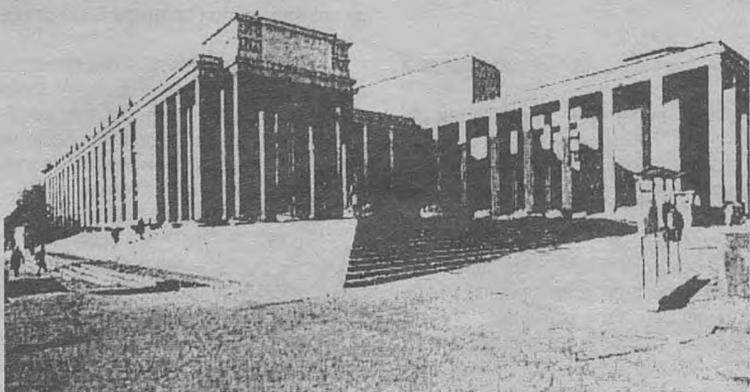
видимо, исчерпавшие свой пыл в справедливой борьбе с «Петром Первым» Церетели, «Достоевскому» тоже не обрадовались, хотя уже не возопили. Великие петербуржцы тут ни при чем.

НИНА МАХАРАШВИЛИ

Фотомонтаж И. Свиридова

Москва

проекту известных архитекторов В. Шуко и В. Гельфрейха в 1929-39 годы, — один из значительных памятников позднего конструктивизма в Москве. Площадка — возвышение у входа в библиотеку — обрамлена мощной бруталной колоннадой фасадов и многочисленными лестницами, сбегаящими пологими ступенями; она обладает собственной, не централизованной динамикой и

В. Шуко, В. Гельфрейх. Здание Всесоюзной Государственной Библиотеки им. Ленина. 1929-1939.

«Достоевский. Известный и неизвестный»

ВЫСТАВКА ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Государственного музея истории Санкт-Петербурга **состоится в городе Дендермонде (Бельгия), в выставочном зале муниципалитета, с 24 января по 28 февраля.**

Будут представлены рукописи писателя с рисунками, его личные вещи, мемориальные экспонаты, уникальные фотографии, литографии и гравюры XIX века, 20 портретов Достоевского работы разных художников, наиболее интересные иллюстрации к его произведениям из собрания музея (Э. Неизвестный, М. Шемякин, В. Пивоваров, Ю. Селиверстов, Э. Кочергин, Д. Боровский и др.).